

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 339.9(470:510)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-39-52

Дальневосточные ресурсные проекты в условиях модернизации механизмов российско-китайского сотрудничества: новые оценки

Наталя Евгеньевна Антонова¹, Наталя Валентиновна Ломакина²

^{1,2} Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

¹antonova@ecrin.ru

²lomakina@ecrin.ru

Аннотация. Исследованы отдельные элементы модернизации ключевых механизмов российско-китайского инвестиционного сотрудничества в 2014–2020 гг. в контексте перспектив развития ресурсных отраслей Дальневосточного федерального округа (минерально-сырьевого и лесного комплексов). Выявлены приоритеты и направления двустороннего сотрудничества в инвестиционной сфере, обусловленные институциональными изменениями. Показан структурный дрейф инвестиционных интересов в отраслевом и пространственном разрезе, определяемый совершенствованием механизмов российско-китайского сотрудничества. Исследованы характеристики двустороннего инвестиционного сотрудничества в ресурсном секторе Дальневосточного федерального округа в условиях сочетания одновременно реализуемых моделей его стимулирования на государственном (новая модель развития Дальнего Востока) и межгосударственном (активизация российско-китайских экономических отношений) уровнях. Выявлены различные тенденции формирования отраслевой структуры инвестиционных интересов российско-китайского сотрудничества для национального (Российская Федерация) и регионального (Дальневосточный федеральный округ) уровней. Показано преобладание приоритетов реализации ресурсно-транзитного сценария для развития Востока России, в том числе через модернизацию российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: ресурсный сектор, российско-китайские экономические взаимодействия, институты сотрудничества, инвестиционные проекты, пространственно-отраслевые приоритеты, инвестиционные интересы, Дальневосточный федеральный округ.

Для цитирования: Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Дальневосточные ресурсные проекты в условиях модернизации механизмов российско-китайского сотрудничества: новые оценки // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 39–52. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-39-52>

The Far Eastern resource projects in the context of modernization of the mechanisms of the Russian-Chinese cooperation: new assessments

Natal'ya E. Antonova¹, Natal'ya V. Lomakina²

^{1,2}The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹antonova@ecrin.ru

²lomakina@ecrin.ru

Abstract. *Some elements of modernization of the key mechanisms of the Russian-Chinese investment cooperation in 2014–2020 are investigated in the context of the prospects for the development of resource industries in the Far Eastern federal district (mineral and forest complexes). The priorities and directions of bilateral cooperation in the investment sphere, due to the institutional changes, have been identified. The structural drift of investment interests in the sectoral and spatial aspects, determined by the improvement of the mechanisms of the Russian-Chinese cooperation, is shown. The article examines the characteristics of bilateral investment cooperation in the resource sector of the Far-Eastern federal district in the context of combination of simultaneously implemented models of its stimulation at the state (new model of development of the Far East) and interstate (activation of the Russian-Chinese economic relations) levels. Different trends in the formation of sector structure of investment interests of the Russian-Chinese cooperation for the national (RF) and regional (the Far-Eastern federal district) levels are revealed. The predominance of priorities for implementation of the resource-transit scenario for the development of the East of Russia, including through the modernization of the Russian-Chinese cooperation, is shown.*

Keywords: *resource sector, Russian-Chinese economic interactions, institutions of cooperation, investment projects, spatial and sectoral priorities, investment interests, the Far-Eastern federal district*

For citation: Antonova N. E., Lomakina N. V. The Far Eastern resource projects in the context of modernization of the mechanisms of the Russian-Chinese cooperation: new assessments // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 39–52. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-39-52>

Введение. Природные ресурсы были и остаются материальной основой развития экономики Дальнего Востока. На протяжении последних 20 лет инвестиционные проекты в ресурсных отраслях (прежде всего в минерально-сырьевом и лесном комплексах) являлись наиболее привлекательными как для российского, так и для иностранного бизнеса. Реализуемая государством с 2014 г. новая модель развития региональной экономики на Дальнем Востоке не только не изменила этой тенденции, но и усилила её.

Китай выступает ключевым партнёром для Дальнего Востока как в торговом, так и в инвестиционном сотрудничестве. Динамично реализуются эти интересы и в ресурсной сфере. Так, доля продукции ресурсных отраслей в дальневосточном экспорте в КНР составляет в последние годы почти 80%. Китайские инвесторы

активны и в рамках реализации новых форм инвестиционного развития Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО).

Период реализации на Дальнем Востоке «новой модели» государственного стимулирования инвестиционной активности (с 2014 г.) характерен также поиском новых механизмов и эффективных инструментов российско-китайского инвестиционного сотрудничества на фоне усиления межгосударственных взаимодействий между Россией и Китаем. Результатами совершенствования этих процессов стали не только активизация инвестиционной деятельности, но и, на наш взгляд, намечившиеся изменения в формировании приоритетов и новых направлений сотрудничества в инвестиционной сфере.

Каковы сегодня характеристики российско-китайского инвестиционного

сотрудничества в сфере ресурсных проектов на Дальнем Востоке? Каков может быть «структурный дрейф» инвестиционных интересов, определяемый совершенствованием «институционального поля» такого сотрудничества? Целью статьи является поиск ответов на эти вопросы, определяющие возможные перспективы российско-китайских взаимодействий в таких важных для экономики ДФО комплексах, как минерально-сырьевой (далее – МСК) и лесной (далее – ЛК).

Институциональные инструменты российско-китайского сотрудничества: национальные подходы. Важной научно-практической проблематикой в последние годы становится исследование современных институциональных инструментов российско-китайского сотрудничества, в том числе в ресурсных отраслях. Актуальность этих исследований обусловлена новыми институциональными тенденциями, разработкой программ современного развития национальных экономик Китая и России, оказывающих непосредственное влияние на изменение формата межстранового сотрудничества [Рензин, Суслов, 2021].

В настоящее время в КНР на государственном уровне реализуется новая модель экономического развития страны, называемая стратегией «двойной циркуляции», которая фокусируется на увеличении внутреннего спроса при одновременной ориентации на привлечение зарубежных инвестиций и стабилизацию международной торговли [Кулинцев, 2021]. Основными целями данной стратегии являются стимулирование покупательной активности среднего класса страны и внедрение в экономику новых технологических решений. Модель «двойной циркуляции» нацелена на устранение в долгосрочной перспективе зависимости ключевых сфер китайской экономики (энергетический, технологический и продовольственный секторы) от зарубежных рынков и технологий.

Выстраиванию экономики «двойной циркуляции» и формированию сильного

внутреннего рынка в КНР посвящен специальный раздел в принятом в 2021 г. 14-ом пятилетнем Плане национального экономического и социального развития и долгосрочного видения до 2035 года. В аналитической записке Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ [Кашин и др., 2021] приведены оценки китайских экспертов о возможности реализации данной стратегии и необходимых для этого институциональных инструментах. В частности, высказывается мнение, что превращение Китая в страну-потребителя приведет к изменению структуры торгового баланса КНР, резко повысит значимость импорта, следовательно, страна в обозримой перспективе превратится в крупнейшего импортера в мире.

В этом плане для России важным становится вопрос: что она может предложить Китаю? Пока в КНР поставляется в основном российское сырье: в 2019 г. в структуре российского экспорта 69,8% составляло минеральное топливо, нефть, нефтепродукты, 7% древесины, изделия из нее, 3,6% руды, шлаки, зола [Российско-китайский диалог., 2020].

Проблемы ухода от преимущественно сырьевого экспорта, безусловно, не только осознаны в управленческом поле РФ, но и сформированы в виде стратегических целевых задач развития страны. Так, в 2018 г. на федеральном уровне был разработан ряд национальных проектов как инструментов реализации национальных целей, утвержденных Президентом РФ¹. Одним из них является национальный проект «Международная кооперация и экспорт», к ключевым целям которого относятся: увеличение экспорта несырьевых неэнергетических товаров, увеличение доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственной продукции и услуг в валовом внутреннем продукте страны, формирование эффективной системы разделения труда и производственной кооперации между государствами – членами ЕАЭС².

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

² Опубликован паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт» <http://government.ru/info/35564/> (дата обращения: 03.11.2021)

По сути, национальный проект является попыткой переломить сырьевую тенденцию в российском экспорте. Увеличение объемов несырьевого неэнергетического экспорта отмечалось в 2019 г. в отраслях химической промышленности, металлургии, фармацевтической и косметической, легкой промышленности, в агропромышленном комплексе (далее – АПК). Тем не менее, экспорт продукции топливно-энергетического комплекса остается доминирующим: его доля в российском экспорте в 2020 г. составила 51,8%, хотя она сократилась по сравнению с 2019 г. (63,5%). Нужно принимать во внимание, что «пандемийный» 2020 г. не является репрезентативным с точки зрения долгосрочных тенденций в торговом российско-китайском обороте, когда из-за спада экономической активности и «санитарного» закрытия границ произошел обвал показателей.

Преимущественно сырьевая направленность российского экспорта, как уже отмечалось, по-прежнему характерна для сотрудничества с КНР. Однако некоторые подвижки в его структуре появляются на фоне формирования новых подходов в двустороннем российско-китайском торговом и инвестиционном сотрудничестве.

Одним из драйверов сотрудничества между Россией и КНР, способствовавших интенсификации партнерских отношений в различных формах, можно назвать стратегическую инициативу Китая «Один пояс, один путь». Подтверждением этому является подписание в 2015 г. на 20-й регулярной встрече глав правительств России и КНР тридцати пяти совместных документов, создающих институциональные рамки двустороннего сотрудничества в различных сферах.

Одной из организационных форм нового этапа расширения партнерства и сотрудничества между Россией и КНР явилось создание Межправительственной Российско-Китайской комиссии по

инвестиционному сотрудничеству (далее – МПК).³ Цель создания комиссии – координация деятельности органов государственной власти двух стран в сфере содействия привлечению прямых иностранных инвестиций, реализации инвестиционных проектов, обеспечение условий деятельности инвесторов.

На протяжении семи лет (с 2014 по 2020 гг.) формировались принципы, условия и инструменты инвестиционного сотрудничества. В качестве ключевых мер, направленных на улучшение инвестиционного климата двух стран и укрепление инвестиционного взаимодействия, МПК предусматривает:

усиление строительства инфраструктуры пограничных переходов;

упрощение процедур таможенного администрирования;

сопровождение крупных инвестиционных проектов, оперативное реагирование на возникающие проблемы у инвесторов;

создание благоприятных условий для привлечения рабочей силы и оказания визовой поддержки в интересах реализации двусторонних инвестиционных проектов сотрудничества.

Важным направлением совершенствования механизмов российско-китайского инвестиционного сотрудничества в 2014–2020 гг. стала отработка критериев мониторинга и ранжирования инвестпроектов для их включения (либо исключения) в Перечни проектов, ежегодно пересматриваемые в рамках протоколов МПК (далее – Перечень проектов МПК). К 2020 г. был сформирован регламент, в соответствии с которым все инвестиционные проекты, претендующие на включение в перечень, делятся на две категории: первая – значимые проекты, утверждаемые сопредседателями МПК, и вторая – перспективные проекты, утверждаемые секретариатом МПК. К первой категории относятся уже реализуемые проекты, критерии для их включения в перечень значимых проработаны достаточно детально⁴. Основные

³ Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству https://www.economy.gov.ru/material/departments/d16/mezhpravitelstvennaya_rossiysko_kitayskaya_komissiya_po_investicionnomu_sotrudnichestvu/ (дата обращения: 03.11.2021)

⁴ Регламент отбора и мониторинга реализации инвестиционных проектов. Протокол 6го заседания Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству https://www.economy.gov.ru/material/file/a855852f6a4315f94e3747a574b5f96d/Protokol_6-go.pdf (дата обращения: 03.11.2021)

критерии включения инвестиционного проекта в перечень значимых следующие:

общая сумма инвестиций должна быть не менее 15 млн долларов США (за исключением наиболее важных проектов для двустороннего сотрудничества);

есть предварительное технико-экономическое обоснование или техническая документация, необходимая для начала его реализации;

соответствует законодательству двух стран;

оказывает положительное влияние на социально-экономическое и отраслевое развитие двух стран;

содействует решению существующих экономических, социальных и экологических проблем;

соответствует требованиям охраны окружающей среды.

За реализацией значимых инвестиционных проектов ведется мониторинг с целью выявления и устранения барьеров при их реализации. Для понимания ситуации с реализацией проекта определяются его следующие статусы: сдан в эксплуатацию, в стадии реализации, ведутся переговоры, ведется поиск партнера, проект заморожен.

Ко второй категории (перспективные проекты) относятся проекты, которые находятся на ранней стадии реализации и имеют потенциал для развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества. Для включения инвестпроектов в категорию «перспективных» требования не такие жесткие – объем инвестиций не определен и не требуется разработанного технико-экономического обоснования. Начиная с 2020 г. в Перечень проектов МПК включаются только значимые проекты.

Структурные характеристики российско-китайского инвестиционного сотрудничества: формирование новых трендов. Как уже указывалось, перечни проектов МПК представлены в ежегодных протоколах комиссии. Определенный исследовательский интерес представляет анализ структурных изменений (отраслевых и пространственных) этих перечней в 2014–2020 гг.

Что касается «отраслевого разреза» поставленной задачи, то основные на-

правления реализации Перечня проектов МПК – это добыча и переработка полезных ископаемых, создание объектов инфраструктуры, автомобильная промышленность, материалы нового поколения, химическая промышленность, лесная промышленность, сельское хозяйство. Вся совокупность проектов, рассмотренных в рамках деятельности МПК в 2014–2020 гг., агрегирована нами в группы в зависимости от отраслевой направленности: ресурсные проекты (в их состав вошли проекты, заявленные в минерально-сырьевом и лесном комплексах); проекты в агропромышленном комплексе; инфраструктурные проекты (в эту же группу были включены проекты в торговле и логистике, количество которых незначительное); проекты в обрабатывающей промышленности; инновационные проекты (включая создание совместных фондов) (табл. 1).

Следует отметить, что в анализируемом периоде в абсолютном выражении возросло как общее количество «патронированных» проектов (от 32 в 2014 г. до 70 в 2017–2020 гг.), так и «наполнение» отдельных отраслевых групп. Исследование относительных характеристик разных групп проектов в их общей структуре в динамике использовано нами лишь как косвенная оценка смещения инвестиционных интересов в рассматриваемом поле российско-китайского сотрудничества.

Рассмотрение «отраслевого разреза» всей группы проектов в динамике показывает определенные изменения её структуры. Так, в 2014 г. безусловными лидерами инвестиционных интересов были ресурсные проекты. Это лидерство обеспечивалось преимущественно минерально-сырьевыми проектами, которые выступали основными «привлекательными точками» для китайских инвестиций. За исследуемый период лидирующие позиции ресурсных проектов (до 40% в 2014 г.) сменились вполне равнозначным положением с такими сферами как инфраструктура и обрабатывающая промышленность (по 25–27% для каждой из сфер к 2020 г.).

В рассматриваемом периоде произошел рост количества инфраструктурных проектов (с 6 до 17) и проектов в обрабатывающей промышленности (с 8 до 19

Таблица 1

**Отраслевая структура проектов российско-китайского сотрудничества,
включенных в Перечень проектов МПК в 2014–2020 гг.,
% от общего количества**

Год	Ресурсные проекты, всего	В том числе		АПК	Инфраструктура, торговля	Обрабатывающая промышленность	Инновационные проекты	Всего проектов
		МСК	ЛК					
2014	40,7	31,3	9,4	9,4	18,8	25,0	6,3	100,0
2015	37,9	31,0	6,9	10,3	19,0	29,3	3,4	100,0
2016	34,8	24,2	10,6	7,6	24,2	28,8	4,5	100,0
2017	31,0	22,5	8,5	8,5	28,2	28,2	4,2	100,0
2018	27,1	15,7	11,4	8,6	27,1	31,4	5,7	100,0
2019	30,0	17,1	12,9	8,6	27,1	27,1	7,1	100,0
2020	25,7	15,7	10,0	12,9	24,3	27,1	10,0	100,0

Источник: рассчитано авторами на основе протоколов МПК https://www.economy.gov.ru/material/departments/d16/mezhpravitelstvennaya_rossiysko_kitayskaya_komissiya_po_investicionnomu_sotrudnichestvu/ (дата обращения: 03.11.2021)

единиц), которые стали более привлекательными для китайских инвесторов. В результате доля инфраструктурных проектов в отраслевой структуре выросла в 1,3 раза. Стабильно высокую долю сохраняют инвестпроекты в обрабатывающей промышленности, где производится продукция с высокой добавленной стоимостью. В 1,4 раза выросла доля сельскохозяйственных проектов, в 1,6 раза – доля инновационных проектов, особенно существенным этот рост был в 2020 г. за счет создания совместных фондов (венчурного, научно-технического инновационного и фонда регионального сотрудничества).

Можно сделать вывод, что в исследуемом периоде отраслевой состав Перечня проектов МПК проходил свою отладку, исходя из оценки возможностей их реализации. Влияние на смену отраслевых интересов китайских партнеров в пользу отраслей с более высокой добавленной стоимостью могла оказать, на наш взгляд, новая установка руководства КНР на модернизацию производственных цепочек, в том числе за счет международного сотрудничества [Кашин и др., 2021].

Исходя из территориальной «точки интереса» данной статьи, которой явля-

ется ДФО, нами была проанализирована также пространственная структура проектов российско-китайского сотрудничества в рамках МПК. Как показал анализ, за 2014–2020 гг. произошло заметное сокращение доли проектов, реализуемых на территории ДФО, в их общем количестве – с 40,6 до 32,9%. При абсолютном росте количества проектов за период в целом «скорость» этого роста была различна в территориальном разрезе. Так, если количество инвестпроектов на Дальнем Востоке выросло в 2014–2020 гг. в 1,7 раза (с 13 до 23 единиц), то этот же показатель для «недальневосточных» районов составил 2,5 раза (с 19 до 47 проектов). То есть можно сделать вывод, что происходит перемещение инвестиционной активности китайского бизнеса в западные районы России, где локализуется основной потребительский спрос на производимые продукты и услуги растущего количества проектов в обрабатывающей промышленности и инфраструктурной сфере.

Если рассмотреть ещё одну характеристику – отраслевую структуру Перечня проектов МПК, реализуемых на территории ДФО (табл. 2), то в первую очередь обращает на себя внимание высокая доля

Таблица 2

**Отраслевая структура реализуемых в ДФО инвестиционных проектов,
включенных в Перечень проектов МПК, 2014–2020 гг.,
% от общего количества**

Год	Ресурсные проекты	В том числе		АПК	Инфраструктурные	Обрабатывающая промышленность	Всего проектов, реализуемых в ДФО
		МСК	ЛК				
2014	69,2	61,5	7,7	7,7	15,4	7,7	100
2015	66,6	58,3	8,3	8,3	20,8	4,2	100
2016	58,3	45,8	12,5	16,7	20,8	4,2	100
2017	46,4	35,7	10,7	17,9	25,0	10,7	100
2018	44,0	28,0	16,0	16,0	28,0	12,0	100
2019	47,8	30,4	17,4	17,4	21,7	13,0	100
2020	39,1	26,1	13,0	26,1	21,7	13,0	100

Источник: рассчитано авторами на основе протоколов МПК https://www.economy.gov.ru/material/departments/d16/mezhpravitelstvennaya_rossiysko_kitayskaya_komissiya_po_investicionnomu_sotrudnichestvu/ (дата обращения: 03.11.2021)

ресурсных проектов. Она хоть и снизилась в 1,8 раза за исследуемый период, но, в отличие от рассмотренного выше российского тренда, остается доминирующей (около 40%).

Относительно равнозначный интерес (отражаемый долей проектов в их общем количестве) для российско-китайского сотрудничества в рамках МПК на территории ДФО к 2020 году демонстрируют проекты в МСК и АПК (по 26,1% соответственно).

Существенно возросшие интересы инвестирования в проекты АПК (рост количества проектов с 1 в 2014 г. до 6 в 2020 г.) обусловлены, возможно, и реализацией политики стимулирования китайских инвестиций за рубежом в производство экологически чистых продуктов, поскольку это согласуется с текущими государственными задачами по обеспечению стабильности рынка продовольствия. Долгосрочная стратегия КНР по формированию широкой прослойки населения с высокими среднедушевыми доходами, усилению фундаментальной роли потребления, про-

движение потребления высококачественных и экологически безопасных товаров и услуг также предполагает повышение значимости импорта продовольствия [Кашин и др., 2021].

Это совпадет с интересами России на Дальнем Востоке. «В будущем неизбежно и желательно расширение экспорта в Китай российских природоёмких и экологических товаров и услуг – в частности, продукции сельского хозяйства, лесной, рыбной промышленности, услуг дата-центров и экотуризма. Важно, чтобы реализация этих взаимовыгодных возможностей происходила с соблюдением всех экологических требований, и нередко для этого требуется совместная работа ответственных ведомств двух стран. Это особенно актуально в вопросах контроля экспорта леса, в области организации туристических потоков, в сфере сертификации сельскохозяйственной, лесной и рыбной продукции и т. д.»⁵

В АПК включен также проект по созданию аквакультуры, появившийся в Перечне проектов МПК с 2017 г.

⁵ *Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов. НИУ ВШЭ. М.: Международные отношения, 2021. С.73 <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/461122764.pdf> (дата обращения: 05.11.2021)*

Что касается проектов в минерально-сырьевом комплексе, то в период формирования и совершенствования механизмов отбора, мониторинга, координации и сопровождения инвестпроектов (2014–2021 гг.) порядка 12–15 из всего круга потенциальных проектов на разных этапах были включены в Перечни проектов МПК. Направления реализации этих проектов предполагались как в традиционных сферах (добыча ресурсов), так и в инновационных (например, создание совместного предприятия по производству редкоземельных металлов). К 2021 г. в результате усовершенствования механизмов взаимодействия, уточнения критериев отбора (как для включения инвестпроектов, так и для исключения), более тщательного ежегодного мониторинга в Перечне проектов МПК остался устойчивый набор из шести инвестпроектов.

Наибольший интерес возможного совместного освоения минеральных ресурсов демонстрируется для проектов в Забайкальском крае (4 из 6), среди которых – как проекты с реальным участием китайских инвесторов (Березовское железорудное, Быстринское и Ключевское золоторудные месторождения), так и потенциально возможные (Удоканское месторождение меди). Также скорее потенциальным можно считать проект совместного освоения Таёжного железорудного месторождения в Республике Саха (Якутия).

Включен в Перечень проектов возможного российско-китайского сотрудничества в рамках механизмов МПК и крупный, флагманский проект освоения минеральных ресурсов на Дальнем Востоке – Баимское медно-порфировое месторождение в Чукотском автономном округе. Общие инвестиции в освоение Баимского месторождения оцениваются в 8 млрд долл., из которых 35 млрд рублей вложила казахстанская компания KAZ Minerals⁶, оператор проекта. Значительные затраты в недостаточно экономически освоенном регионе требуются

на инфраструктурное обеспечение проекта прежде всего транспортное и энергетическое. В рамках реализации государственной политики стимулирования инвестиционной активности в ДФО проект освоения Баимского месторождения включен в 2019 г. в резиденты территории опережающего развития (ТОР) «Чукотка» для его финансовой и институциональной поддержки.

Реализация столь сложного и крупного (и в технологическом, и в инфраструктурном, и в финансовом аспектах) инвестиционного проекта как Баимский может стать экспериментальной площадкой для отработки новых форм двустороннего сотрудничества, в т. ч. и российско-китайского. Так, в рамках реализации инфраструктурных задач Баимского проекта складывается опыт «несырьевого» участия в сырьевом проекте. Так, китайская верфь Wison (Nantong) Heavy Industry Co Ltd выиграла конкурс АО «Атомэнергомаш» на строительство двух корпусов плавучих энергоблоков для Баимского ГОКа. Она предложила выполнить все необходимые работы за 225,8 млн долл., что на 30,5% меньше начальной цены контракта. Первый корпус китайская компания должна поставить к октябрю 2023 г., второй – к февралю 2024 г. Водоизмещение каждого корпуса составит 19,1 тыс. тонн. После прибытия в Россию на них будут установлены реакторы и турбины, эту работу выполнит Балтийский завод. В январе 2027 г. обе плавучих электростанции начнут поставлять энергию на Баимский ГОК⁷.

Инвестпроекты другой ресурсной отрасли – лесного комплекса – сформировались в Перечне проектов МПК также через ряд итераций с включением и изъятием по результатам мониторинга возможностей их реализации. В итоге доля ЛК увеличивалась в отдельные годы в 2,3 раза от начального уровня, сравнявшись с долей АПК, но к 2020 г. снизилась до 13% от общего количества проектов.

⁶ Общие инвестиции в Баимку составляют \$8 млрд. 29.09.2021. Бизнес-газета «Недра-ДВ». <https://biznes-gazeta.ru/> (дата обращения: 29.09.2021).

⁷ Корпуса энергоблоков для Баимки построят на китайской верфи. 14.09.2021. Бизнес-газета «Недра-ДВ». <https://biznes-gazeta.ru/>. (дата обращения: 10.11.2021)

В настоящее время в Перечне проектов МПК фигурируют три «лесных» инвестпроекта, два из которых расположены в Хабаровском крае: строительство целлюлозно-бумажного комбината (далее – ЦБК) и создание Дальневосточного центра глубокой переработки древесины. Последний проект реализуется с 2012 г. компанией RFP Group и включает создание заводов по производству лущеного шпона, пиломатериалов и пеллет. Его включение в Перечень проектов МПК обусловлено участием в финансировании Российско-китайского инвестиционного фонда (создан Российским фондом прямых инвестиций и China Investment Corporation) путем его вхождения в акционерный капитал RFP Group.

Проект по строительству целлюлозно-бумажного комбината в Хабаровском крае является актуальным для Дальнего Востока, он может стать решением проблем утилизации низкотоварной древесины и древесных отходов. Однако проект требует крупных инвестиций (1,5 млрд долл.), и даже при существующих дальневосточных преференциях для инвесторов срок окупаемости остается немалым. Даже крупные инвесторы не уверены в конкурентоспособности проекта без участия государства в подготовке лесосырьевой базы и создании дорожной инфраструктуры⁸. Не смотря на то, что проект активно поддерживается органами власти на федеральном уровне, из-за сложности привлечения заинтересованных инвесторов, в том числе китайских, ситуация с инвестированием ЦБК остается нерешенной. Поэтому проект по созданию ЦБК, хотя и включен в Перечень проектов МПК, но есть большие сомнения, что он будет осуществлен.

Что касается новых оценок относительно других отраслевых групп в структуре инвестпроектов, реализуемых на территории ДФО в рамках МПК, то доля группы

инфраструктурных проектов немногим превышают 20% в их общем количестве. Проекты в обрабатывающей промышленности пока в складывающейся структуре не преобладают (13%).

Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в ресурсной сфере в ДФО: институты и результаты. Как указывалось выше, ресурсные отрасли ДФО ориентированы на экспорт своей продукции, но в разной степени. В 2016 г. основными статьями экспорта в КНР являлись минеральное сырье (32,8% от всего объема дальневосточного экспорта), рыба и морепродукты (26,1%), древесина и изделия из нее (19,2%) [Антонова, Ломакина, 2018]. В 2019 г. товароборот Дальнего Востока с Китаем составил 10,5 млрд долл., увеличившись по сравнению с рекордным 2018 г. на 6,9% [Российско-китайский диалог..., 2020].

На долю Китая в 2019 г. приходилось 80% от общего объема иностранных инвестиций на Дальнем Востоке. В 2021 г. на территориях опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ) реализуется 59 китайских проектов с общим объемом инвестиций 2,4 млрд долл. или 73% от общего объема иностранных вложений в проекты, реализуемые в ДФО.⁹

Исследованию вопросов «китайского присутствия» в ресурсном секторе Дальнего Востока, взаимовлиянию экономик в этой сфере уделяется много внимания в публикациях. Проводились сравнительные исследования систем природопользования на Дальнем Востоке и в странах Северо-Восточной Азии в динамике трансформации природно-ресурсного потенциала [Природопользование, 2005; Бакланов, Каракин, Шейнгауз, 2005]; различных аспектов возможного взаимовлияния приграничных экономических систем России и Китая [Природный капитал, 2014]; функционирования отдельных

⁸ Михаил Шамолин о необходимости господдержки ЦБП <https://gipp.ru/news/poligrafiya-rynok-bumagi/mikhail-shamolin-o-neobkhodimosti-gospodderzhki-tsbp/> (дата обращения: 16.11.2021)

⁹ Год новых задач. Китай реализует в ДФО 59 проектов. Российская газета 11.02.2021 <https://rg.ru/2021/02/11/chislo-proektov-na-dalнем-vostoke-s-uchastiem-kitaia-vyroslo-do-59.html> (дата обращения: 01.11.2021)

сегментов ресурсного сектора под влиянием внешнего спроса [Антонова, Ломакина, 2018].

Отдельное внимание было уделено развитию инструментов межрегионального экономического взаимодействия между Россией и Китаем на Дальнем Востоке [Рензин, 2019], даны оценки роли региональных взаимосвязей в реализации российско-китайских проектов [Чжан Мэй, 2019].

Одним из инструментов межстрановой региональной кооперации, в том числе в сфере использования природных ресурсов, явилась межправительственная Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)¹⁰. Этот документ, как считалось, должен был качественно изменить характер и динамику российско-китайского регионального сотрудничества.

Однако результаты программы оказались на невысоком уровне. Часть проектов не была реализована вообще, причиной чего явилась непроработанность предложенных региональными властями проектов с точки зрения поставленных целей и задач программы. По оценкам экспертов, программа с самого начала не была комплексной стратегией, в соответствии с которой две страны координировали бы развитие сопредельных регионов, а распадалась на отдельные проекты («бизнес-концепты»), не связанные между собой¹¹.

Оценивая программу, исследователи отмечали, что совместные проекты на территории России как и Китая связаны преимущественно с развитием транспортной инфраструктуры, и большинство их направлено на организацию вывоза российского сырья в КНР.

Причем по представленным проектам

на российской стороне отсутствовали самые общие показатели (объем инвестиций, инвесторы, количественные показатели выпускаемой продукции), то есть это был список «намерений». Кроме того, программа не содержала механизмов ее реализации. Это привело к появлению в программе большого количества нежизнеспособных проектов.

В 2018 г. была принята новая Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы¹².

Новая программа — это не продолжение программы 2009–2018 гг. В отличие от предыдущей новая Программа сконцентрирована только на Дальневосточном федеральном округе, инвестпроекты из Северо-Восточного Китая не рассматриваются.

При оценке взаимодействия в части реализации инвестиционных проектов российские эксперты видят существенный барьер в низком уровне осведомленности китайских инвесторов о ведении бизнеса в различных регионах России, местном административном регулировании и возможных выгодах от реализации совместных инициатив [Российско-китайский диалог..., 2021].

Поэтому в новой программе особое место отводится характеристике специальной государственной политики России, направленной на повышение доходности и снижение рисков реализации проектов иностранных инвесторов, и подробному описанию ее механизмов, включая территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт Владивосток, предоставление грантов инвесторам на развитие инфраструктуры, реализации иных мер на основе

¹⁰ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.). http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (дата обращения: 01.11.2021)

¹¹ Зуенко И. Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества <https://carnegie.ru/commentary/77081> (дата обращения: 02.11.2021)

¹² Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/369/programma-itogovuyu-variant.doc> (дата обращения: 02.11.2021)

лучших мировых практик поддержки иностранных инвесторов.

Например, в программе есть пункт (3.5), который содержит информацию о том, что если для реализации проекта инвестора из КНР в одной из ТОР потребуется создание специальной инфраструктуры, то российская сторона определит возможности строительства соответствующих объектов инфраструктуры за счет государственных средств, если их объем не превышает 10% от стоимости основного инвестиционного проекта. Более того, государственные ресурсы могут быть предоставлены на безвозмездной и безвозвратной основе самому инвестору в целях создания необходимой для его проекта инфраструктуры. А если китайский инвестор планирует реализацию нового инвестиционного проекта в месте, где пока не создана ТОР, то возможно распространение ее режима путем расширения границ одной из действующих ТОР или даже создания новой ТОР на указанном месте.

В программе в качестве недостатка, присущего современному уровню российско-китайского взаимодействия, отмечается, что в структуре товарооборота между регионами Дальнего Востока России и КНР преобладают сырьевые товары с низкой степенью переработки. Однако отраслевые приоритеты возможного перспективного сотрудничества по-прежнему обозначены преимущественно в ресурсной сфере: энергетика, освоение месторождений твердых полезных ископаемых, лесная промышленность, аквакультура, сельское хозяйство. Также значимое место занимают инфраструктурные проекты, направленные на вывоз продукции на внешние рынки (развитие международных транспортных коридоров, строительство трансграничных мостовых переходов). То есть ресурсно-транзитная модель развития Дальнего Востока остается основополагающей и при «конструировании схемы» перспективного российско-китайского сотрудни-

чества на Дальнем Востоке.

В качестве иллюстрации такого подхода можно привести тезисы Программы, в которых указано, что «российская сторона намерена диверсифицировать экономику Дальнего Востока России, поэтапно увеличивая в её структуре долю несырьевых отраслей, вместе с тем продолжит сопровождение и поддержку инвестиционных проектов в области освоения месторождений твердых полезных ископаемых»¹³. Реализация инвестиционных проектов в минерально-сырьевом комплексе продолжает оставаться одним из ключевых отраслевых приоритетов программы российско-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке (раздел 5.2). Инвестиционный пакет в горнодобывающей сфере включает более десятка месторождений полезных ископаемых, предлагаемых к совместному освоению в ДФО.

Следует отметить, что все эти проекты известны и традиционно предлагаются к сотрудничеству (не только российско-китайскому) в инвестиционном поле макрорегиона. Многие из этих проектов уже реализуются или предложены к реализации в рамках действующих преференциальных режимов «новой» модели развития Дальнего Востока. Их включение в новую программу регионального сотрудничества вполне отражает её направленность и целевые задачи – квалифицированное информирование китайских инвесторов о максимально привлекательных возможностях взаимодействий в инвестиционной сфере.

Лесная промышленность также включена в отраслевые приоритеты Программы. Поставлена задача наращивания экспорта лесной продукции из дальневосточных регионов в КНР и его диверсификации в сторону увеличения поставок продукции глубокой переработки. С учетом грядущего с 2022 г. полного запрета экспорта необработанной древесины из России¹⁴ для экспортоориентированного лесного комплекса ДФО скорейшее раз-

¹³ Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018-2024 годы. С. 10. <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/369/programma-itogovyy-variant.doc>. (дата обращения: 20.11.2021)

¹⁴ Советание о развитии и декриминализации лесного комплекса <http://kremlin.ru/events/president/news/64116> (дата обращения: 02.11.2021)

витие полной переработки древесины является основой выживания. Поэтому привлечение китайских партнеров в качестве инвесторов в рамках всех форм российско-китайского сотрудничества является в настоящее время актуальным направлением как для бизнеса, так и для органов государственной власти.

По мнению экспертов, новая программа выглядит как очередной «меморандум о намерениях сторон» или «навигатор для китайских инвесторов». В новом документе российская сторона лишь «предлагает рассмотреть возможность инвестирования», конкретные китайские компании не называются, целевые показатели реализации проектов не устанавливаются¹⁵.

Оперативное взаимодействие по реализации Программы осуществляет с российской стороны Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, с китайской стороны – Министерство коммерции КНР. Это можно расценивать как понижение статуса документа: предыдущую программу курировали ведомства более высокого ранга – Министерство экономического развития РФ и Госкомитет по развитию и реформе КНР.

Заключение. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в ресурсной сфере на Дальнем Востоке традиционно складывается как в программной, так и во внепрограммной сферах. Ключевыми объектами приложения инвестиционных интересов являются, прежде всего, проекты в минерально-сырьевом, лесном, рыбопромышленном комплексах. В определенной мере к «ресурсным интересам» можно отнести и инвестиционное взаимодействие в сфере сельского хозяйства, имея в виду то, что главный операционный ресурс этой сферы – земля – относится к ключевым природным ресурсам.

В настоящей статье нами рассмотрены характеристики российско-китайских инвестиционных взаимодействий в ресурсном секторе на Дальнем Востоке не столько для получения отдельных их

количественных оценок, сколько с позиций выявления возможных элементов «структурного дрейфа» инвестиционных интересов в этой сфере в условиях модернизации институциональных механизмов этого сотрудничества в период 2014–2020 гг.

Анализ современного «институционального поля» российско-китайского инвестиционного сотрудничества, происходящих в нём изменений и появляющихся в связи с этим новых пространственно-отраслевых характеристик в «программной» части взаимодействий позволяет, на наш взгляд, выявить новые оценки и тренды.

Во-первых, мониторинг инвестпроектов сотрудничества на фоне совершенствования критериев и организационной схемы их включения в патронируемый Перечень проектов МПК выявил определенные структурные изменения. Так, при изменении Перечня в динамике снижается относительная доля ресурсных проектов в общей структуре. Это происходит за счёт включения всё большего числа успешно реализуемых проектов в несырьевой сфере, прежде всего в обрабатывающей промышленности. Кроме отраслевых структурных изменений уже достаточно чётко проявляются и определенные пространственные сдвиги инвестиционных интересов. Так, анализ динамики проектов показал, что преимущественное количество новых несырьевых проектов российско-китайского сотрудничества реализуется в западной части РФ.

Во-вторых, важной задачей являлась оценка изменений, происходящих (либо не происходящих) в аналогичном предметном поле, но уже в масштабах Дальневосточного федерального округа. Анализ показал, что кроме уже появившейся тенденции перемещения инвестиционной активности китайского бизнеса в западные районы России, отразившейся в снижении доли дальневосточных проектов в их общем количестве, отмечают и отраслевые «движения». В отличие

¹⁵ Зуенко И. Как Китай будет развивать Дальний Восток <https://carnegie.ru/commentary/77590> (дата обращения: 01.11.2021)

от складывающихся тенденций на национальном уровне для Дальнего Востока характерно сохранение инвестиционных интересов российско-китайского сотрудничества преимущественно в ресурсной сфере (порядка 40% в общем количестве инвестпроектов). За ней следует группа инфраструктурных проектов с их долей в общем количестве 21,7%. Для Востока России по-прежнему сохраняется ресурсно-транзитный сценарий развития региона, в т. ч. и через российско-китайское сотрудничество.

Выявленные изменения и новые оценки позволяют сформировать ориентиры возможных сценариев и направлений развития российско-китайского сотрудничества, в т. ч. и в такой важной сфере

экономики Дальнего Востока, как ресурсная. Веер этих сценариев может быть достаточно широк – от выжидательной позиции и ухода из совместных проектов до формирования и отладки иных (кроме инвестиционного) форм сотрудничества в ресурсных проектах – инновационно-технологического, инфраструктурного и т. д. Таким образом, обсуждая возможности и перспективы совместной реализации каждого отдельного ресурсного проекта на Дальнем Востоке, следует оценивать общие контуры нового «институционального поля» российско-китайского сотрудничества и происходящего в нём «структурного дрейфа» инвестиционных интересов и его пространственно-отраслевых особенностей.

Список источников:

1. Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т 11. № 1. С. 43–56.
2. Бакланов П. Я., Каракин В. П., Шейнгауз А. С. Природопользование Дальнего Востока России и сопредельных территорий // Пространственная экономика. 2005. №1. С. 3–10.
3. Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Смирнова В. А., Литвинов А. А., Поташев Н. А. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР. Аналитическая записка К6/03/2021 ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. 2021. 25 с. URL: www.cceis.hse.ru
4. Кулинцев Ю. В. Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. № 26. С. 242–255.
5. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски. Чита: ЗабГУ, 2014. 527 с.
6. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.
7. Рензин О. М. Региональное сотрудничество в контексте нового этапа отношений России и Китая // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 8–13.
8. Рензин О. М., Суслов Д. В. Модернизация стратегии экономического роста в Китайской Народной Республике и перспективы активизации межгосударственного партнерства с Российской Федерацией // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 8–15.
9. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020. Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2020. 254 с. URL: russiancouncil.ru/report58
10. Российско-китайский диалог: модель 2021: доклад № 70/2021. Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2021. 201 с. URL: russiancouncil.ru/report70
11. Чжан Мэй. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества Северо-Восточных регионов Китая с Россией // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2019. № 4(89). С. 59–67.

References:

1. Antonova N. E., Lomakina N. V. Natural resource-based industries of the Far East: new drivers of development. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, vol. 11, no. 1, pp. 43–56. (In Russian).
2. Baklanov P. Ya., Karakin V. P., Sheingauz A. S. Nature Use of the Russian Far East and Adjacent Territories. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 2005, no. 1, pp. 27–45. (In Russian).
3. Kashin V. B., Pyatachkova A. S., Smirnova V. A., Litvinov A. A., Potashev N. A. Chinese experts on the new five-year plan of the PRC. Analytical note K6/03/2021. HSE Center for Integrated European and International Studies. 2021. 25 p. URL: www.cceis.hse.ru (In Russian).
4. Kulintsev Yu. V. “Dual circulation” strategy and its influence on Russian-Chinese relations. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity] 2021, vol. 26 no 26, pp. 242–255. (In Russian).
5. Natural capital of the region and Russian-Chinese cross-border relations: prospects and risks. Chita: ZabGU, 2014. 527 p. (In Russian).
6. Natural resources use of the Russian Far East and Northeast Asia: potential of integration and sustainable development. Vladivostok, Khabarovsk: FEB RAS, 2005, 528 p. (In Russian).
7. Renzin O. M. Regional cooperation in the context of the new stage of relations between Russia and China *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia] 2019, no. 1 (86). Pp. 8–13 (In Russian).
8. Renzin O. M., Suslov D. V. Economic growth strategies modernization in PRC and the Russian Federation and prospects forenhancing partnership between PRC and RF *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia] 2021, no 1 (94), pp. 8–15 (In Russian).
9. Russian-Chinese Dialogue: The 2020 Model: Report No. 58/2020. Russian International Affairs Council. Moscow, 2020, 254 p. URL: russiancouncil.ru/report58 (In Russian).
10. Russian-Chinese Dialogue: The 2021 Model: Report No. 70/2021. Russian International Affairs Council. Moscow, 2021, 201 p. URL: russiancouncil.ru/report70 (In Russian).
11. Zhang Mei. The performance and prospects of trade and economic cooperation between China's Northeastern Regions with Russia *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs policy of Russia in the Far East], 2019, no 4(89), pp. 59–67. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 03.12.2021.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 03.12.2021.

Информация об авторах

Н. Е. Антонова – д-р экон. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела отраслевых систем, Институт экономических исследований ДВО РАН

Н. В. Ломакина д-р экон. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела отраслевых систем, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the authors

N. E. Antonova – Doctor of Economics, chief researcher, the sectoral systems chair, The Economic Research Institute of FEB RAS

N. V. Lomakina – Doctor of Economics, chief researcher, the sectoral systems chair, The Economic Research Institute of FEB RAS